
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ВОЗМОЖНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ. ЧАСТЬ II. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ¹

© 2016 г. Н. Е. Максимова*, И. О. Александров**

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;
e-mail: nemaksimova_SEP@mail.ru*

*** Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, там же;
профессор ФГБУ ВПО ГАУГН, Москва
e-mail: almax2000@inbox.ru*

Проанализированы изменения в предметной области психологической науки, которые могут быть следствием применения положений экспериментальной методологии и абстрактно-аналитической психологии, разработанных Я.А. Пономаревым. Во второй части статьи рассмотрены предмет и объект исследования абстрактно-аналитической психологии, а также определение их онтологического статуса. Основу определения предмета абстрактно-аналитической психологии составили формулировки общенаучных объяснительных принципов с новым содержанием: взаимодействия/развития, детерминации в форме закона ЭУС (этапы–уровни–ступени), системности в абстрактно-аналитической версии, активности. Сформулированные Пономаревым версии принципов вводят определения атрибутов предмета исследования, которые обосновывают его онтологический статус, возможность его операционализации, описания процессов его развития и дифференциации. Показано содержательное сходство предметов исследования в абстрактно-аналитической психологии и системно-эволюционной парадигме при сохранении их парадигмальной специфики. Это позволяет утверждать, что они входят в исследовательскую программу, обладающую единым “твердым ядром”, которая может быть обозначена как *системно-эволюционная абстрактно-аналитическая психология*. Представлены результаты реализации методологической концепции Пономарева в фундаментальных исследованиях, проводимых в рамках системно-эволюционной парадигмы. Предполагается, что методология Пономарева обосновывает возможность психологии определять собственный предмет исследования, объект исследования, доказывать в исследовании онтологический статус предмета исследования, что создает условия для формирования траектории эволюционного развития психологии как суверенной научной дисциплины.

Ключевые слова: экспериментальная методология, абстрактно-аналитическая психология, атрибуты предмета абстрактно-аналитической психологии, информационные модели взаимодействий, психофизиологическая проблема, психосоциальная проблема, системно-эволюционная парадигма, дифференциация психологических структур.

Для проверки предположения о том, что положения экспериментальной методологии (ЭМ) и абстрактно-аналитической психологии (ААП) определяют новые цели психологической науки и возможности их достижения, создают условия для формирования траектории эволюционного развития психологии как суверенной научной дисциплины, в первой части статьи [40] был про-

анализирован потенциал ЭМ как способа создания нового психологического знания в исследовании в соответствии с содержанием эволюционной эпистемологии Я.А. Пономарева [6].

Во второй части статьи будут рассмотрены (1) предмет и объект исследования ААП, а также их онтологический статус в соответствии с требованиями ЭМ; (2) следствия реализации методологических положений концепции Пономарева в фундаментальных исследованиях, проводимых в рамках системно-эволюционной парадигмы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00229), ФГБУН Институт психологии РАН.

(СЭП); и (3) определены нововведения в предметную область психологической науки, следующие из методологических положений концепции Пономарева.

ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ АБСТРАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Пономаревым была намечена перспективная схема предметной области психологической науки и ее соотношения со смежными дисциплинами. Такого рода отношения формируются на действенно-преобразующем этапе эволюции психологического знания. Для этого типа знания, находящегося в стадии становления, характерны определение предмета психологического исследования на основе его генезиса, определение места этого предмета в стратегии комплексных исследований; обязательность моделирования как для оценки результатов эмпирических исследований, так и для опосредования отношений фундаментального знания с практикой [47, 51]. Центральную роль в формировании психологического знания действенно-преобразующего типа, в определении предмета психологического исследования, в переходе к новым взаимоотношениям фундаментального знания с практикой и построения технологий Пономарев отводит ААП. ААП конструировалась Пономаревым как реализация положений ЭМ для создания нового психологического знания в форме *закономерностей организации моделей психологического взаимодействия* [47, 50, 51]. Рассмотрим понимание предмета ААП в соответствии с конструкцией предмета/объекта исследования, введенного в первой части статьи [40].

Предметом ААП является структура динамических моделей продуктивных развивающих психологических взаимодействий [47, 49, 51]. Гипотетический референт этого предмета исследования Пономарев обозначает как “*потенциальный предмет психологии*”, который может перейти в актуальный и стать доступным для рефлексии научным сообществом только на действенно-преобразующем этапе развития психологического знания, а на предшествующих, созерцательно-объяснительном и эмпирическом (многоаспектном) этапах, направляет исследование, но в рефлексии сообщества представлены лишь его аспекты [47, 51].

Прежде чем раскрыть такое понимание предмета ААП, необходимо отметить, что Пономарев

внес принципиально важное изменение в общенаучные представления о взаимодействии и развитии. Онтологически “...взаимодействие и развитие составляют неразрывное единство; развитие во всех случаях опосредствовано взаимодействием, поскольку результаты развития всегда являются вместе с тем результатами взаимодействия; однако и само взаимодействие находится в теснейшей зависимости от развития” [51, с. 148–149]. По существу, Пономарев сформулировал новый общенаучный принцип – *принцип взаимодействия/развития*. [46, 47, 51]. Пономарев рассматривает *психологическое взаимодействие* как *абстрактно выделенную форму взаимодействия живых систем, которая характеризуется как информационная, сигнальная, знаковая, социально-предметная* [47, 51].

Компоненты психологического взаимодействия могут быть обозначены как полюса. Одним из полюсов всегда является субъект (как носитель активности). Другим полюсом может быть иной субъект (в этом случае реализуются “субъект-субъектные” взаимодействия), или объект, мир, окружение (при этом реализуются “субъект-объектные” отношения). Взаимодействие предполагает согласованность процессов развития его компонентов. Развитие рассматривается как результат фиксации новообразованных продуктов в структурной организации обоих “полюсов взаимодействия” – субъектов или субъекта и объекта. Новообразования на полюсе субъекта – информационные модели совершенных взаимодействий. Изменения на полюсе объекта (в мире, в окружении) могут также быть рассмотрены как модели осуществившихся или возможных в будущем взаимодействий, например, в форме норм социального поведения [45, с. 54]. Взаимодействия (включая психологическое) могут совершаться только между такими компонентами (полюсами), которые обладают статусом существования.

Модель понимается Пономаревым как “материальный предмет, в преобразованиях структуры которого, происшедших в итоге взаимодействия данной (моделирующей) системы с другой (моделируемой), зафиксированы элементы структуры моделируемой системы” [47, с. 86]. Это определение соответствует общенаучному содержанию понятия “модель”, таким ее свойствам, как избирательность, отношение к освоенным формам деятельности и будущей практике (см. [24]), что дает возможность обосновать ключевые свойства информационных моделей взаимодействий: их пристрастность, субъективность, способность

фиксации характеристик совершенных взаимодействий и возможность использования в будущем. Действительно, информационные модели являются не отображением собственно объектов, с которыми субъект вступает во взаимодействие, а совокупность таких моделей – не отражение мира, окружения субъекта, поскольку модели фиксируют информационные эквиваленты целостных взаимодействий, а не их предметные референты, то есть не отдельные аспекты взаимодействия: “Структуры объектов и способов действий субъекта, зафиксированные в ... моделях, специфическим путем не выделяются” [47, с. 194]. При таком понимании радикально изменяется само представление о содержании психического; сравним его, например, с утверждением Л.М. Веккера, что “характеристики любого психического процесса в общем случае могут быть описаны только в терминах свойств и отношений внешних объектов” [25, с. 11].

Для описания психологических взаимодействий Пономарев использует концепт “модель” в смысле, принципиально отличном от широко употребительного, охарактеризованного М. Вартофским как “...избирательное абстрактное копирование человеком определенных свойств мира” [24, с. 10], включающего в класс моделей научные теории, художественные отображения и технические проекты.

Главное из этих отличий – рассмотрение в качестве “моделирующей системы” ткани мозга. Информационные модели взаимодействий фиксируются на этом онтологически определенном субстрате и реализуются как “динамические мозговые модели” [47, с. 194], поэтому статус существования информационных моделей взаимодействия в принципе доказуем, возможность решения фундаментальной проблемы онтологического статуса предмета психологического исследования изначально введена в конструкцию ААП.

Представление о фиксации информационных моделей взаимодействий в динамическом мозговом субстрате является неотъемлемой частью ААП. Оно обосновывает онтологический статус психологических новообразований и является основой для принципиально новой формулировки *психофизиологической проблемы*, которая содержит ее общее решение. Следует специально отметить, что формулировку *психофизической проблемы*, т.е. проблемы соотношения *психического и телесного* Пономарев вслед за С. Биром оценивал как “эпистемологический миф” [44, 47]. В основе психофизической проблемы лежат восходящие к картезианству дуалистиче-

ские представления о психическом как идеальном, а о физиологическом как материальном. Возможные варианты решения психофизической проблемы подробно проанализированы в литературе: это или взаимодействие психического и физиологического, или их параллельное независимое существование, или редукция психического к физиологическому, или эпифеноменальность психического; все они оцениваются как методологически неудовлетворительные [36]. Психофизическая проблема (по мнению Пономарева, является проблемой *донаучной, псевдопроблемой, которая должна быть снята, разрушена*) не позволяет выйти за пределы гносеологического аспекта изучения психического в сферу онтологии, в область конкретного исследования. “Научный аналог психофизической проблемы может быть представлен, например, как проблема отношения модели к моделирующей системе” [47, с. 100]. Заметим, что в этой формулировке совершен переход от психофизической к психофизиологической проблеме. Формулировка психофизиологической проблемы и ее решение и выражаются соотношением информационных *моделей* психологического взаимодействия и нейродинамического субстрата (*моделирующей системы*). Решение психофизиологической проблемы, данное Пономаревым, может быть использовано как образец для онтологического решения психосоциальной (или социопсихологической) проблемы. Эти проблемы входят как составляющие в *так называемую* (по определению Пономарева [45, 46]) мультидисциплинарную проблему соотношения биологического и социального (см. [37, 45, 47]). Возможность онтологического решения этих проблем радикально изменяет их статус. Из перспективных проблем, решение которых может завершить этап “двойственности” психологии, редукции ее предмета либо к области биологических, либо социальных наук [37, с. 35], эти проблемы становятся логическим концептуальным центром единой когерентной проблемной области психологии и основой для организации комплексных психологических исследований – в областях социальных наук и наук о мозге (*neurosciences*).

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время проблема связи психики и мозга, сознания и мозга в формулировке психофизической проблемы соотношения психического и телесного (*mind-body problem*) и многочисленные подходы к ее решению, которые предлагаются философами, нейрофизиологами и нейрофилософами, составляют специальную область – философию сознания (см. для обзора [69]). Заметим, что разнооб-

разие попыток решения обсуждаемой проблемы представляет собой целую эпистемологическую мифологию, в рамках которой решение принципиально не может быть достигнуто, так как все известные подходы направлены на решение именно психофизической проблемы в ее неизбежной картезианской формулировке. Непреодолимое препятствие для решения проблемы соотношения мозга и сознания в философии сознания состоит в том, что все рассматриваемые в ее рамках варианты основываются на *философской* онтологии, строят онтологические *допущения*, которые принципиально не предполагают операционализации и фальсифицирования в процедурах эмпирического исследования.

Пономарев отмечает центральное положение конструкта “модель взаимодействия” в ААП: “Исследование такой структуры динамических моделей [которая формируется в ходе сигнального взаимодействия] составляет ... наиболее важный для нас абстрактно-психологический аспект изучения субъективных явлений” [47, с. 158]. Хотя Пономарев отметил, что эту структуру “нельзя понять, принимая во внимание лишь физиологические закономерности работы мозга” [47, с. 158], но именно исследование тонкой структуры “мозговых динамических моделей взаимодействий”, специализации нейронов относительно поведенческих актов как циклов взаимодействия индивида с предметным окружением, позволившее дать конкретное решение психофизиологической проблемы (см. далее), со всей определенностью может служить доказательством онтологического статуса информационных моделей взаимодействий.

Доказательность статуса существования информационных моделей взаимодействий позволяет впервые эксплицитно ввести представление о структурах, формирующихся в процессе взаимодействия субъекта с окружением, как онтологических сущностях. Структуры формируются как результат фиксации информационных моделей взаимодействий в нейродинамическом субстрате, причем последовательные циклы взаимодействий (этапы формирования структуры) представляют уровни организации структуры, служащие ступенями для перехода к следующим циклам взаимодействия. Эта последовательность соответствует сформулированному Пономаревым закону трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающихся взаимодействий – закону “этапы–уровни–ступени” (ЭУС) [47, с. 12; 49, с. 424]. Закон ЭУС в методологическом отношении представляет новую форму-

лировку общенаучного принципа детерминации², приближенную к требованиям эволюционной эпистемологии в версии Пономарева [6].

В истории взаимодействий субъекта с окружением формируется множество информационных моделей. Это множество неоднородно, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, в нем выделяются модели, образующиеся как прямые и как побочные продукты взаимодействия. Во-вторых, все множество моделей разделяется на два класса: “базальных” (первичных, непосредственных), фиксирующих взаимодействия с составляющими окружения, обеспечивающих неосознаваемое приспособление к окружающему, и “вторичных”, “означенных”, дифференцированных моделей, в которых моделируются базальные модели [46, 47, 51]. Означенные модели обеспечивают, “как принято говорить, осознанное отношение к миру, его целесообразное преобразование” [47, с. 101]. Внутренняя связность всего множества моделей взаимодействий субъекта с миром, общность их происхождения и истории формирования, фиксация в них свойств окружения и целей субъекта дает основание описывать их не как диффузную “целостность”, а как систему. При этом перечисленные свойства системы удовлетворяют требованиям особой ветви системного подхода, впервые выделенной Пономаревым и неслучайно обозначенной им как “абстрактно-аналитическая” [46, 51, 52]. Именно эта ветвь системного подхода находится в точном соответствии с требованиями универсального эволюционизма и эволюционной эпистемологии Пономарева [6]. Поэтому ее можно рассматривать как новую формулировку принципа системности, как постнеклассический вариант принципа целостности³.

Каждая из множества зафиксированных информационных моделей взаимодействия может находиться в двух состояниях – “покоя” и “реа-

² Принцип детерминации утверждает закономерный характер возникновения, существования и трансформации объектов. Существуют “механистическая”, “линейная”, “каузальная”, “вероятностная”, “множественная” и другие версии этого принципа (см., например, в [23, 42, 43, 56, 63]).

³ Принцип целостности вводит основания для объяснения инвариантности объекта в процессе его развития, отношений целого и его частей, возникновения новых свойств целого по отношению к его частям, обосновывает возможность и правила выделения частей из целого, объединения частей в целое. Известны различные версии этого принципа: элементаризм, холизм (различные школы гештальтпсихологии построили разные варианты холизма), эмерджентизм, системность (в вариантах общей теории систем, биологических, экономических, социологических системных теорий, теории функциональных систем и др.) см., например, в [2, 18, 42, 43, 70].

лизации” (актуализации). Актуализация модели взаимодействия является необходимым условием для воспроизведения взаимодействия субъекта с миром, зафиксированного в модели. Это свойство моделей дало Пономареву основание для заключения, что **“активность может быть понята как эффект аккумулированных взаимодействий”** [47, с. 125].

В теоретических и эмпирических психологических исследованиях активность рассматривается и вводится как неотъемлемое свойство человека, организма, субъекта (индивидуального и коллективного), личности, психических процессов [1, 16, 17, 20–23, 31–33, 42, 55, 57, 58], однако в доступных нам психологических словарях и энциклопедиях обобщенных определений активности не приводится, специальные статьи отсутствуют. По существу, это центральное для психологии понятие вводится остенсивно (неявным определением через указание), хотя по объему этого концепта и разнообразию способов его применения ему должен соответствовать **принцип активности**. Обобщая данные литературы, можно заключить, что принцип активности указывает побудительные для поведения и деятельности факторы, определяет источник активности (внешняя среда, личность, субъект и т.п.) и его локализацию (внешнюю, как стимулы, или внутреннюю, как мотивация), обосновывает такие свойства психологических структур и процессов, как интенциональность, целенаправленность, спонтанность, самостоятельность, произвольность, вектор развития, самоорганизация, самореализация. В таком понимании принцип активности занимает особое, доминирующее положение в ряду принципов: лежит в основе развития, детерминации, целостности.

Понимание активности как следствия внешних воздействий соответствует классическому типу рациональности (до- или неэволюционному), и, по существу, вводит “принцип реактивности” [7, 9]. Другие приведенные варианты представлений об активности вводят ее как имманентное свойство центрального конструкта: субъекта, личности, психического процесса и т.п., – и не содержат эксплицитного указания на онтологию источника активности. Показательны попытки обосновать свойство активности через введение (“интроекцию”) специального начала, обладающего активностью, например, такого как гомуникус (см. [26, 59]).

Определение, данное Пономаревым, является формулировкой принципа активности в соответствии с положениями его версии эволюционной

эпистемологии. Важно, что содержание принципа активности выводится полностью из принципа взаимодействия/развития, что придает ему онтологический статус и открывает возможности операционализации этого понятия для фиксации разнообразных проявлений активности в психологических исследованиях. При таком определении принцип активности утрачивает доминирующее положение среди других принципов.

Заметим, что не только принцип активности в формулировке Пономарева, но и принципы детерминации и целостности (системности) выводятся из центрального принципа взаимодействия/развития. Пономарев построил принципиально новую логическую систему принципов, не просто связанных друг с другом, а вытекающих из единого фундаментального представления об эволюционных основах развития. Эволюционное обоснование принципа взаимодействия/развития позволяет вывести из него онтологически содержательные формулировки каждого из принципов, определяет возможность их операционализации.

Именно такое содержание принципов взаимодействия/развития, детерминации, целостности (системности), активности является основой описания атрибутов предмета ААП. Предмет ААП – структура динамических моделей (1) формируется как продукт **развивающих** психологических **взаимодействий**, (2) траектории ее формирования **детерминированы** эволюционно (закон ЭУС), (3) в силу общности происхождения обладает **системными** свойствами: связностью, целенаправленностью, дифференцированностью, (4) фиксируется в форме, допускающей актуализацию, обладает **активностью**.

Насколько эта формулировка соответствует определению конструкции предмета/объекта исследования, выведенного в рамках ЭМ (см. [40])? Определение предмета исследования ААП вытекает из фундаментальных теоретических оснований, эта конструкция потенциально обладает онтологическим статусом, может быть операционализирована, на ее основе могут быть построены содержательные теоретические и исследовательские гипотезы. Сущностные свойства этой гипотетической конструкции, ее атрибуты определяются на основе фундаментальных принципов. Заметим ее принципиальное соответствие потенциальному предмету исследования в психологии как гипотетическому референту.

Атрибуты предмета исследования характеризуют направление исследований в ААП – как установление закономерностей (1) формирования, фиксации и актуализации моделей взаи-

модействий, информационного содержания моделей взаимодействия и его соотношения со свойствами субстрата, (2) формирования продуктов взаимодействия на полюсах взаимодействия, (3) траекторий формирования новообразований, (4) формирования системных свойств продуктов взаимодействия, (5) оснований и проявлений свойства активности.

Этому предмету может быть поставлен в соответствие объект исследования – все носители динамических моделей развивающих продуктивных психологических взаимодействий: индивиды (люди или другие животные), группы индивидов, коллективы. Заметим, что определение предмета исследования ААП может быть использовано как критерий демаркации допсихического/психического в филогенезе – при поиске наиболее ранних форм психической регуляции у примитивных организмов, даже у прокариотов, например, у цианобактерий [62].

Именно приведенная формулировка предмета исследования ААП и ее обоснование через фундаментальные принципы придает ей характер абстрактной дисциплины, для достижения целей которой репрезентативен широкий спектр возможных конкретных вариантов объекта исследования. Предмет исследования ААП определен так, что из его содержания может быть выведено множество систем теоретических и исследовательских гипотез, сформулированных в терминах различных парадигм. Под “парадигмой” мы понимаем “образец исследования, принятый определенным сообществом специалистов”; характеристики парадигмального знания и взаимоотношения парадигмальных сообществ описаны Т. Куном [34]. Разумеется, формулировка предмета исследования ААП приемлема для определенной парадигмы только в том случае, если парадигмальное сообщество (см. [3]) разделяет познавательные установки эволюционной эпистемологии Пономарева [6], содержание принципов взаимодействия/развития, детерминации, системности, активности, принимает требования ЭМ, в рамках которых атрибуты предмета ААП могут быть операционализированы. Например, предмет исследования в психологии творчества – “центральный психологический механизм поведения как инвариант содержания накопленного социального опыта” (см. для обзора [27, 28, 47, 48, 51, 60]), или в СЭП – “организация и формирование психологических структур” [2, 4, 5, 39]. Поэтому мы полагаем, что ААП может выступать в качестве “твердого ядра” особой мультипарадигмальной исследовательской программы в по-

нимании И. Лакатоса [35]. Различным парадигмальным реализациям такой исследовательской программы могут соответствовать содержательно различные версии “защитного пояса”, а также вариации формулировок принципов, формирующиеся в эволюции знания.

Организация предметной области психологии для Пономарева с необходимостью включает применение фундаментального знания в практике, в построении технологий, поскольку это является одним из важных условий единства, когерентности психологической науки [47]. Абстрактный характер ААП, обобщенные определения предмета и объекта исследования делают возможным контакт не только с разными областями психологии и с другими научными дисциплинами, но и с прикладным знанием, технологией, в междисциплинарных и комплексных исследованиях. Заметим, что многообразие “уникальных” объектов исследования, характерных для некоторых областей прикладной и практической психологии, ЭМ рассматривает как частные случаи проявления общих закономерностей, не исключает их из сферы фундаментального исследования⁴. Известные сложности содержательных и продуктивных контактов между областями фундаментального и прикладного знания, с точки зрения Пономарева, могут быть преодолены опосредованием этого контакта через процедуры создания моделей, имеющих познавательную направленность, но реализуемых технологически. Это особый, “модельный” род практики. Такая практика как продуктивное взаимодействие между носителями фундаментального и практического знания в своем развитии проходит несколько этапов, продукты которых фиксируются в логических и вещественных моделях (артефактах) и изменяют как практическое, так и фундаментальное знание [47, 51].

Введенные Пономаревым представления о продуктивных развивающих взаимодействиях, информационных моделях взаимодействий служат единым основанием для объяснения онтологии и гносеологии познания, научного познания, познавательной и созидательной сторон социальной практики и технологий, и, следовательно, открывает возможность решения центральной задачи эволюционной эпистемологии (см. [6]).

⁴ Следует отметить “встречное движение” практической психологии к академической науке, см., например, необходимость включения психотерапевтов-психоаналитиков в фундаментальные комплексные исследования как один из способов предотвращения “самоубийства психоаналитических сообществ и институтов” [71].

СЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ
КОНЦЕПЦИИ ПОНОМАРЕВА
В ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПРОВОДИМЫХ
В РАМКАХ СИСТЕМНО-ЭВОЛЮЦИОННОЙ
ПАРАДИГМЫ

Переход к постнеклассическому типу рациональности, который проявляется в содержательных изменениях познавательных установок, принципов, охватывает все научные сообщества, однако методологическая рефлексия этих изменений запаздывает, иными словами, эти процессы протекают гетерохронно. Мы полагаем, что методологическая общность различных парадигмальных групп в психологии в большей степени определяется общностью отношения (принятия или отвержения, эксплицитного или имплицитного) к различным версиям универсального эволюционизма, эволюционной эпистемологии (см. [6]), общностью “концептуального происхождения”, чем непосредственными контактами.

Системно-эволюционная парадигма сформировалась на основе теории функциональных систем П.К. Анохина [66], которая изначально складывалась уже как системно-эволюционная. Анохин впервые в 1935 году ввел понятие функциональной системы [12], а позже определил понятие системы: *“Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимоСОдействия компонентов на получение фокусированного полезного результата”* [13, с. 35]. Эта формулировка принципа системности точно соответствует представлению Пономарева об абстрактно-аналитической версии этого принципа, причем определение, данное Анохиным, ужесточает критерий Пономарева для разделения вариантов системных представлений, вводя формальный критерий для определения систем. Анохин разработал конструкт “акцептор результатов действия”, который является “информационным эквивалентом результата” [15, с. 287] и может рассматриваться как аналог информационных моделей взаимодействия в концепции Пономарева. Введение понятия акцептора результатов действия разрешает “временной парадокс целенаправленности” (который состоит в том, что *будущее*, еще не существующее, детерминирует *настоящее*, реализующееся поведение [7, с. 268]) и является объяснением активности. Принцип развития в эволюционной, селективистской версии определен Анохиным

через концепцию системогенеза [14]. Именно селективистская версия эволюционизма позволила Анохину в исследованиях не только использовать явления гетерохронии развития, но и основываться на них. Заметим, что для Пиаже, придерживающегося эпигенетической, этапной, а не селективистской версии принципа развития, явления гетерохронии потребовали введения специального объяснительного конструкта “вертикальный декаляж” для связывания этапов в непрерывную последовательность [61]. Основываясь на теории функциональных систем П.К. Анохина, В.Б. Швырков для обоснования системно-эволюционного подхода вводит два основоположения: (1) единственная и общая для всех наук онтология – теория эволюции, (2) Вселенная состоит из систем [66]. Для Швыркова представления об эволюции и системности выступали как наиболее значимые познавательные установки, системно-эволюционная теория была для него стержнем научного мировоззрения (см. подробно [10]). Таким образом, генетическое родство системно-эволюционной парадигмы Анохина–Швыркова и ААП Пономарева определяется уже по использованию ими основных положений универсального эволюционизма в селективистской версии теории эволюции и абстрактно-аналитической версии принципа системности.

Показательно, что интенсивное и продуктивное взаимодействие ААП и СЭП развернулось уже после того, как Швырковым был предложен системно-эволюционный вариант конкретного решения психофизиологической проблемы (публикация [66], первые обсуждения – 1982 г., см. подробнее [2, с. 158–163]). Этот вариант находится в точном соответствии с общим решением этой проблемы, предложенным Пономаревым (см. выше). Заметим, что рефлексия этого соответствия и его фиксация в текстах произошла значительно позже [41].

Решение психофизиологической проблемы, предложенное Швырковым на основе положений СЭП, может быть представлено следующим образом. Взаимодействие индивида с окружением описывается как поведение, то есть информационное взаимодействие со средой, совокупность сформированных в пробах и ошибках адаптивных поведенческих актов, аккумулированных в специализации нервных клеток [66, с. 138]. Каждый поведенческий акт представляет собой единый цикл взаимодействия, информационная модель этого взаимодействия формируется по принципу функциональной системы и фиксируется в специализации группы нейронов относительно конкретного поведенческого акта [10, 11,

29, 30, 65, 66]. Соответствие содержания модели взаимодействия индивида с окружением и “нейродинамического субстрата” – группы поведенчески специализированных нейронов, носителя данной информационной модели – представляет собой конкретное решение психофизиологической проблемы в СЭП, согласующееся с общим решением в ААП. Способность моделей к актуализации, к активному воспроизведению выводится из разнообразия генетически определенных потребностей нейронов как субстрата, на котором зафиксированы эти модели, в метаболитах, и необходимости взаимодействия нейронов в порождении и распределении ресурсов метаболитов [8, 67]. Такое представление операционализирует решение проблемы активности, данное Пономаревым.

Вся история взаимодействий индивида с окружением фиксируется в совокупности информационных моделей (функциональных систем поведенческих актов) разного фило- и онтогенетического возраста, что выражено в таких конструктах, как субъект поведения [41, 66], структура индивидуального опыта или знания, психологические структуры [2, 11, 38, 54]; модели представляют собой компоненты этих структур, находящиеся в отношениях различного типа. Такие структуры являются предметом исследования в СЭП. Их определение формально соответствует определению предмета исследования в рамках ЭМ и содержательно (по атрибутам, а не по наименованию) – предмету исследования ААП. Эти структуры как предмет исследования в системно-эволюционной парадигме формируются, развиваются и дифференцируются из предковых форм в процессе взаимодействий с окружением, организованы в соответствии с принципом системности (в абстрактно-аналитической версии), они способны к активной актуализации, и потенциально обладают онтологическим статусом. Таким образом, атрибуты предметов исследования в СЭП и ААП сопоставимы, они определяются эквивалентными версиями фундаментальных принципов, их онтологический статус доказывается в рамках логически и эмпирически связанных вариантов решения психофизиологической проблемы. Если учесть также общность системных и эволюционных оснований этих концептуальных построений, то можно заключить, что ААП оказывается вполне системно-эволюционной, а СЭП – абстрактно-аналитической. Фундаментальная сопоставимость методологических позиций открывает возможности для обоснования целей и гипотез конкретных исследований, которые актуальны как для СЭП, так и для ААП.

Пономарев специально обсуждает вопрос о компонентах (полюсах) психологического взаимодействия. Он отмечает недостаточность, неточность таких обозначений полюсов взаимодействия, как “человек и мир”, “организм и среда”, “субъект и объект”, “субъект и субъект” [47, с. 140–144]. К этому перечислению на тех же основаниях могут быть добавлены “человек и культура”, “человек и техника” и т.п., но следует подчеркнуть, что проблема компонентов взаимодействия – не проблема их обозначения, а проблема операционализации этих конструктов и онтологии их гипотетического референта [40], ключевая для их использования в исследовании. Для решения этой проблемы, прежде всего, необходимо отметить качественное своеобразие моделей на полюсах взаимодействия. Так, для “субъект-объектных” взаимодействий на полюсе “субъекта” фиксируются информационные модели на субстрате мозга. На полюсе объекта информационные модели фиксируются как артефакты, несущие символические или знаковые функции [19], или в форме норм социального поведения [45, с. 54], добавим, норм имплицитных или кодифицированных. Введение понятий “социальное поведение” и “артефакты” означает обращение к социальной общности.

По нашему предположению, с позиции СЭП в качестве компонентов психологического взаимодействия следует рассматривать два множества моделей взаимодействий, находящихся в определенных отношениях подобия. Одно из этих множеств образует “полюс субъекта”. Другое множество моделей взаимодействия образует “полюс объекта”. Для решения вопроса о носителях двух множеств моделей введено представление об *институционализированной предметной области* (ИПО), в состав которой входят не только объекты, артефакты, отношения между ними, кодифицированные и имплицитные правила их производства, воспроизводства и использования, но и определенная социальная общность, члены которой, являясь носителями специфических ценностей, норм поведения и взаимоотношений, ролей и статусов, образуют институционализированное сообщество (ИС) [39]. Из этого следует, что носителем полного набора информационных моделей психологических взаимодействий в определенной ИПО на “полюсе субъекта” может быть только ИС, а вся совокупность таких моделей, распределенная на членах ИС, может быть обозначена как *надындивидуальная институционализированная психологическая структура* [38]. Каждый из членов ИС является носителем некоторого специфического подмножества моделей та-

кой институционализированной психологической структуры в соответствии с его ролью, статусом, уровнем компетенции, индивидуальной историей вхождения в ИС и взаимодействий с предметным содержанием ИПО, историей его отношений с другими членами ИС и другими ИПО, характеристиками онтогенеза, а также с принадлежностью к определенной биологической популяции.

Носителями информационных моделей взаимодействия, образующих “полнос объекта”, являются такие “предметные” составляющие ИПО, как артефакты и правила их использования и создания, инструменты и образцы их применения.

Статус существования информационных моделей на “полносе субъекта”, представленных группами специализированных нейронов, следует из концептуально согласованных решений психофизиологической проблемы – общего (ААП, [47]) и конкретного (СЭП, [66]). Онтология моделей на “полносе объекта” следует из их предметного (даже вещественного) статуса.

Определенные таким образом компоненты психологического взаимодействия соответствуют требованиям со стороны ЭМ, поскольку обладают потенциально доказуемым онтологическим статусом и допускают операционализацию. Их применение в конкретном исследовании открывает возможность реконструкции организации и процессов формирования надындивидуальной психологической структуры и ее индивидуальных отображений на основании применения измерительных процедур к продуктам взаимодействий, зафиксированных в ИПО. При этом все институционально важные индивидуально-психологические свойства конкретных членов ИС могут рассматриваться как проявления актуалгенеза тех составляющих институционализированной психологической структуры, носителями которых они являются.

Предположенное подобие между компонентами ИПО, основанное на решении психофизиологической проблемы, является вариантом решения социопсихологической (или психосоциальной) проблемы, поскольку эти проблемы неразрывно связаны [37, 45, 47], а следовательно, и подходом к решению мультидисциплинарной проблемы соотношения биологического и социального [39, 41]. Введение конструкта ИПО открывает возможность решения актуальной для социологии и экономики проблемы соотношения социальных структур и деятельности индивидов, наибольшая трудность которой состоит в необходимости обосновать онтологический статус гипотетических референтов основных конструктов [6], и при этом,

не утрачивая “психологической составляющей”, избежать как “методологического индивидуализма”, так и “методологического коллективизма” (см. [64]).

Введение конструкции ИПО служит развитию идеи Пономарева об опосредующей функции логических и вещественных моделей при введении фундаментального научного знания в практику, определяет проблемную “зону контакта” и позволяет разрешить возникающие в ней трудности. Наука как особая институционализированная предметная область создает новое фундаментальное знание, которое ассимилируют и трансформируют различные другие ИПО, строящие на его основе производственные, социальные и иные технологии, внедряющие фундаментальное знание в практику. Институционализированные сообщества, образующие ИПО “Наука” и ИПО, применяющие фундаментальное знание, характеризуются различающимися ценностями, принципами, познавательными установками, целями, ролями, статусами, используют разные лексические средства (терминологию) [3]. Эти сообщества проходят различную образовательную подготовку, их профессиональные стандарты не совпадают. Предметная составляющая этих ИПО также радикально различна (ср., например, исследовательскую и производственную технику). Из представлений Пономарева о моделях следует, что модели – логические и вещественные – абстракции *особого* рода. Язык этих обобщений может служить эквивалентом для взаимодействия контактирующих разнородных ИПО. Опосредующая роль моделирования, по оценке Пономарева, “особого рода практики” [47], состоит в том, что модельная практика может выступать в роли “буферного” институционального образования. Организация буферных ИПО “Моделирование” определяется “переходными” наборами ценностей, принципов и норм, в том числе – технологических, не вступающих в противоречие с базовыми основами взаимодействующих ИПО.

Следующей важной для ААП и СЭП проблемой, с нашей точки зрения, является операционализация понятия “вторичные”, или “означенные” модели и их соотношения с “базальными” моделями взаимодействий (см. [46, 47, 51]). В эмпирических исследованиях организации структуры индивидуального знания (у человека, при решении стратегических задач) и структуры опыта (у животных в сложном пищедобывательном поведении, с регистрацией активности нейронов) было установлено, что компонентам таких структур соответствуют группы нейронов, специализированных относительно определенных

поведенческих актов как циклов взаимодействия с предметной областью [2, 4, 11, 29, 30, 54, 67]. В перечисленных работах приведены результаты исследования специализаций нейронов относительно “предметно-ориентированных” актов поведения, реализующих “субъект-объектные” взаимодействия. Важно, что в работе Н.А. Швырковой и С.В. Андрушко было показано существование специализации нейронов относительно актов зоосоциального поведения, “субъект-субъектных” взаимодействий [68]. Некоторая часть феноменов, описанных в этой работе, была воспроизведена в работах Дж. Риццоллатти и его сотрудников и описана как активность “зеркальных нейронов” [53]⁵.

Модели взаимодействий с объектами предметной области, зафиксированные как компоненты психологической структуры на группе нейронов (как на субстрате), можно идентифицировать как “базальные” модели. Показано, что компоненты психологической структуры вступают во взаимодействия, которые определяют порядок их актуализации, обязательность одновременной актуализации или накладывают полные или частичные запреты на их совместную актуализацию. Установлено, что модели взаимодействий между компонентами представляют собой не отдельные от взаимодействующих компонентов новообразования. Они формируются в составе взаимодействующих компонентов как результат процесса дифференциации компонентов и фиксируются как “дополнительные” специализации на группах специализированных нейронов. Гипотетически предложенным Пономаревым “вторичным” или “означенным” моделям можно поставить в соответствие модели взаимодействий между компонентами психологической структуры [4, 5]. Представление об актуализации моделей этого рода открывает возможность разрешения проблемных ситуаций в предметной области без непосредственного обращения к ней и составляют, по предположению, основу операций с абстракциями, в терминах Пономарева – “действий в уме” [5, 27, 48, 51, 60].

⁵ С позиций ААП и СЭП использование конструкта “зеркальные нейроны”, построенного на представлениях о стимульной зависимости поведения, для объяснения сложнейших явлений социальных взаимодействий, коммуникации и других психологических феноменов, без опоры на решение психофизиологической проблемы, без эксплицитного введения принципов взаимодействия/развития, системности и активности, конструктов “взаимодействие” и “информационная модель взаимодействия” представляется механистичным и редукционистским.

При вхождении в ИПО у нового члена ИС инициируется формирование психологической структуры, соответствующей требованиям ИПО. В исследованиях структуры знания в стратегической игре было установлено, что такое соответствие достигается в гетерохронных процессах дифференциаций структуры трех типов [4]. Процесс дифференциации-I инициируется при начальных взаимодействиях с конкретными составляющими ИПО. Дифференциация-I состоит в порождении протокомпонентов (предковых форм компонентов структуры знания) из популяции преспециализированных нейронов. Процесс дифференциации-II состоит в порождении компонентов структуры знания из протокомпонентов (каждый протокомпонент может дифференцироваться на несколько компонентов). Дифференциация-III порождает суборганизацию компонентов структуры знания: в составе каждого компонента формируются модели взаимодействий нескольких типов (не менее семи [2, 4]) между данным компонентом и другими компонентами. Актуализация именно этих “моделей моделей” образует структуру на множестве компонентов структуры знания (см. выше). Дифференциация-III обеспечивает адаптивные свойства поведения в ИПО, возможность обращения к многообразным “предметным” составляющим ИПО, к членам ИС, даже без непосредственного обращения “к оригиналам” (в терминологии Пономарева), манипуляции ими как абстракциями [5]. Три качественно специфичных типа дифференциации определяют основные черты эволюционного процесса формирования психологических структур – от их зарождения до обеспечения эффективного взаимодействия индивида с конкретной предметной областью на всем протяжении не прекращающегося процесса овладения компетенцией. Можно полагать, что основные характеристики эволюционного процесса формирования психологических структур, их диверсификации, прохождения дифференциаций различного типа, формирование “базальных” моделей взаимодействий и моделей взаимодействий между моделями представляют собой универсальный паттерн развития онтологический статус которого должен быть доказан в исследовании. Такой паттерн можно рассматривать как инвариант формирования психологических структур, который содержательно может быть сопоставлен с “психологическим механизмом поведения”, занимающим центральное положение в ААП [27, 28, 47, 48, 51, 60].

Исследовательская программа системно-эволюционной абстрактно-аналитической психоло-

гии, в процессе своего становления модифицирует и развивает *экспериментальную методологию* создания нового психологического знания в исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НОВОВВЕДЕНИЯ В ПРЕДМЕТНУЮ ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ, СЛЕДУЮЩИЕ ИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПОНОМАРЕВА

Экспериментальная методология и абстрактно-аналитическая психология, продолжая психологическую по происхождению традицию эволюционной эпистемологии, обосновывают положения, которые имеют общепсихологическое и общенаучное значение. Среди этих инноваций выделим следующие:

1. ЭМ эксплицитно вводит правила реализации положений эволюционной эпистемологии как процедуры создания нового фундаментального психологического знания – от методологических оснований исследования до передачи его результатов научному сообществу.

2. Методология психологии создается в процессе исследования самими исследователями как членами парадигмальных сообществ и приобретает прескриптивную функцию как рефлексия состоявшихся нововведений.

3. Общенаучному гипотетико-дедуктивному методу в версии ЭМ придана неотъемлемая реконструктивная функция.

4. Положения ЭМ позволяют определить точное место и содержание основных теоретических и эмпирических составляющих метода в процедурах исследования.

5. На системно-эволюционных основаниях построена логически связанная система новых версий общенаучных принципов (взаимодействия/развития, системности в абстрактно-аналитической версии, детерминации в версии закона ЭУС, активности), которые допускают операционализацию.

6. Определена роль моделирования как особой практики, опосредующей построение фундаментального научного знания и его использование в создании технологий.

Важнейшие следствия из положений абстрактно-аналитической психологии обосновывают организацию предметной области психологической науки следующим образом:

1. Базовые положения ААП в ее единстве со средствами, предоставляемыми ЭМ, составляют основу создания нового психологического знания в форме закономерностей.

2. Определения предмета и объекта исследования в ААП, основанные на новых формулировках принципов, образуют “твердое ядро” исследовательской программы системно-эволюционной абстрактно-аналитической психологии.

3. Введено единое обоснование онтологии предмета психологического исследования.

4. Новые версии принципов составляют основание для продуктивной формулировки и решения фундаментальных проблем – психофизиологической и психосоциальной.

5. Предметная область психологии организована таким образом, что изменен статус психофизиологической и психосоциальной проблем, которые из периферических, “вторичных” приобретают статус центральных.

6. Возможность для психологии определять собственный предмет исследования, объект исследования, доказывать в исследовании онтологический статус гипотетического референта предмета исследования создает условия для формирования траектории эволюционного развития психологии как суверенной научной дисциплины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского и М.И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 34–50.
2. Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
3. Александров И.О., Максимова Н.Е. Организация коммуникации в научном сообществе // Массовые коммуникации: интеграция научных парадигм. Шестые международные Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск: ЦентрНаучСервис, 2012. С. 21–33.
4. Александров И.О., Максимова Н.Е. Процесс дифференциации: содержание концепта и возможности операционализации в психологических исследованиях // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 87–138.
5. Александров И.О., Максимова Н.Е. К обоснованию конструкта “оперирование абстракциями” // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Калининград, 23–27 июня 2014 г. Калининград, 2014. С. 115–117.

6. Александров И.О., Максимова Н.Е. Эволюционная эпистемология Я.А. Пономарева // Психол. журн. 2015. Т. 36. № 6. С. 12–23.
7. Александров Ю.И. Системная психофизиология // Психофизиология. Учебник для вузов / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2001. С. 263–324.
8. Александров Ю.И. Системогенез и смерть нейронов // Нейрохимия. 2004. Т. 21. № 1. С. 5–14.
9. Александров Ю.И. Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизации его системной структуры: комплексное исследование // Труды ИСА РАН. 2011. Т. 61. № 3. С. 4–29.
10. Александров Ю.И. Опережая время. Предисловие // Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 5–28.
11. Александров Ю.И., Греченко Т.Н., Гаврилов В.В., Горкин А.Г., Шевченко Д.Г., Гринченко Ю.В., Александров И.О., Максимова Н.Е., Безденежных Б.Н., Бодунов М.В. Закономерности формирования и реализации индивидуального опыта // Журн. высш. нерв. деят. 1997. Т. 47. № 2. С. 243–260.
12. Анохин П.К. Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности // Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности. Горький: Горьковское издательство, 1935. С. 9–70.
13. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. С. 17–62.
14. Анохин П.К. Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса // Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. С. 125–151.
15. Анохин П.К. Методологическое значение кибернетических закономерностей // Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. С. 262–291.
16. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
17. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
18. Барабанищikov В.А. Идея системности в психологии: пути развития // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 1. С. 5–13.
19. Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов // Онтология артефактов: взаимодействие “естественных” и “искусственных” компонентов жизненного мира / Под ред. О.Е. Столяровой. М.: Дело, 2012. С. 18–33.
20. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
21. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
22. Брушлинский А.В. О критериях выделения субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского и М.И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
23. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
24. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
25. Веккер Л.М. Психические процессы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Т. 1.
26. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. М.: Смысл, Академия, 2006. Т. 1.
27. Галкина Т.В. Исследование центрального звена психологического механизма поведения // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 531–548.
28. Галкина Т.В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
29. Горкин А.Г. Поведенческая специализация корковых нейронов на разных стадиях обучения. // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 104–115.
30. Горкин А.Г., Шевченко Д.Г. Отражение структуры памяти в активности системоспецифических нейронов // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 2. С. 60–69.
31. Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории марксистской диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 35–88.
32. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
33. Знаков В.В. Психология познания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
34. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.
35. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
36. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
37. Ломов Б.Ф. Проблема социального и биологического в психологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 34–65.

38. Максимова Н.Е., Александров И.О. Феномен коллективного знания: согласование индивидуальных когнитивных структур или формирование надиндивидуальной психологической структуры // Психология человека в современном мире. Т. 3. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, И.О. Александров. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009. С. 368–376.
39. Максимова Н.Е., Александров И.О. Компоненты психологического взаимодействия и возможность их операционализации // Человек, субъект, личность в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Материалы конференции. Т. 3. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013. С. 161–164.
40. Максимова Н.Е., Александров И.О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть I. Экспериментальная методология как способ создания нового психологического знания в исследовании // Психол. журн. 2016. Т. 37. № 1. С. 5–15.
41. Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В., Филиппова Е.В., Фомичева Л.Ф. Структура и актуалгенез субъекта с позиций системно-эволюционного подхода // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 1. С. 17–40.
42. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Т. 1, 2.
43. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
44. Пономарев Я. А. Психика и интуиция. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
45. Пономарев Я.А. О так называемой биосоциальной проблеме // Соотношение биологического и социального в человеке / Отв. ред. В.М. Банщиков, Б.Ф. Ломов. М., 1975. С. 53–64.
46. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
47. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
48. Пономарев Я.А. О понятии "психологический механизм решения творческих задач" // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 6. С. 19–29.
49. Пономарев Я.А. Психология творения. Избранные психологические труды. Москва–Воронеж: МОДЭК, 1999.
50. Пономарев Я.А. Закон в психологии // Психология творения. Избранные психологические труды. Москва–Воронеж: МОДЭК, 1999. С. 415–439.
51. Пономарев Я.А. Перспективы психологии творчества // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 145–276.
52. Пономарев Я.А. О предмете системного подхода и степени его развития // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 277–283.
53. Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
54. Рождествен А.В., Сварник О.Е., Гринченко Ю.В., Александров Ю.И. Закономерности актуализации элементов опыта разной степени дифференцированности в процессе организации поведения // Психол. журн. 2015. Т. 36. № 3. С. 67–71.
55. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.
56. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Издательство АН СССР, 1957.
57. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
58. Татенко В.О. Субъект психической активности: поиск новой парадигмы // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 3. С. 23–34.
59. Ушаков Д.В. Психология одаренности и проблема субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 212–226.
60. Ушаков Д.В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 19–142.
61. Флейвелл Дж.Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967.
62. Харитонов А.Н., Греченко Т.Н., Сумина Е.Л., Сумин Д.Л., Орлеанский В.К. Эволюционные предпосылки появления психики: социальная жизнь цианобактерий // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 283–302.
63. Харламенкова Н.Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
64. Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 45–60.
65. Швырков В.Б. Психофизиологическое изучение структуры субъективного отражения // Психол. журн. 1985. Т. 6. № 3. С. 22–37.
66. Швырков В.Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики, сознания // Психол. журн. 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.
67. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.

68. Швыркова Н.А., Андрушко С.В. Активность нейрон сенсомоторной области коры мозга у кроликов в зоосоциальном поведении // Журн. высш. нервн. деят. 1990. Вып. 1. С. 52–58.
69. Юлина Н.С. Очерки современной философии сознания. М.: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2015.
70. Юлина Н.С. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность // Юлина Н.С. Очерки современной философии сознания. М.: Канон+, РООИ “Реабилитация”, 2015. С. 254–281.
71. Kernberg O.F. Suicide Prevention for Psychoanalytic Institutes and Societies // Journ. Am. Psychoanal. Assoc. 2012. V. 60. No. 4. P. 707–719.

THE PROSPECTIVE TRAJECTORY FOR PSYCHOLOGY EVOLUTION. PART II. ORGANIZATION OF THE SUBJECT FIELD OF PSYCHOLOGY

N. E. Maksimova*, I. O. Aleksandrov**

* *PhD (psychology), senior research fellow, V.B. Shvyrkov laboratory of psychophysiology, Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

** *Sc.D. (psychology), leading research fellow, the same place; professor, State Academic University of Human Sciences, Moscow.*

The work is focused on the analysis of the modifications in the subject field of psychological science according to the ideas of experimental methodology and abstract-analytical psychology developed by Ya.A. Ponomarev. In the 2-nd part of the paper definitions for the subject and object of abstract-analytical psychology as well as their ontological status are considered. Definitions of the general science principles, such as interaction/development, determination, activity and systemic approach modified by Ponomarev are used as a basis for statement of the subject of abstract-analytical psychology. These versions of principles allow to (1) introduce the attributes of the subject of abstract-analytical psychology; (2) substantiate its ontological status; (3) determine ways to operationalize it for empirical research and (4) describe its development and differentiation. It has been found that along with paradigmatic content specificities there is a principal similarity of the subject of research of abstract-analytical psychology and systemic evolutionary paradigm. It can be concluded that abstract-analytical psychology and systemic evolutionary paradigm constitute an entire research program (in term of I. Lakatos's conception) that could be designated as *systemic evolutionary abstract-analytical psychology*. Experimental evidence obtained in fundamental studies conducted in the framework of the systemic evolutionary paradigm demonstrated rich resources of Ponomarev's conceptions for psychological and psychophysiological research. Thus, Ponomarev's methodology enables psychology to define its own subject and object of research, to prove the ontological status of the subject of research through empirical falsification procedures, providing necessary conditions for evolution of psychology as a sovereign science.

Key words: experimental methodology, abstract-analytical psychology, attributes of the subject of abstract-analytical psychology, informational models of interactions, psychophysiological problem, psychosocial problem, systemic-evolutionary paradigm, differentiation of psychological structures.